

УДК 159.98

СОВРЕМЕННОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ФЕНОМЕН МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

М.Р. Арпентьева, кандидат психологических наук, доцент кафедры
психологии развития и образования

Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского,
г. Калуга

Рассматривая проблему специфики социально-психологического консультирования как помогающего взаимодействия, типологий нарушений сознательных или неосознанных противодействий в помогающем диалоге современные исследователи выделяют несколько типов социально-психологических, в том числе межличностных, отношений, в частности, противопоставляют потребительское и помогающее отношение людей (и их групп) друг к другу, выраженность которых варьирует, образуя континуум включающий следующие типы: 1) избегание чужих проблем и нежелание оказывать помощь, 2) помочь в обмен на помощь, калькуляция услуг, 3) старание понять других людей и помочь им, 4) стремление к решению своих проблем под видом помощи другим, лжепомощь. Исследователи отмечают, что различные виды лже-помощи могут быть рассмотрены в связи с проблемой агента (agency problem) - выполнения консультантом деятельности в интересах общества, клиента, самого себя, или третьих лиц, а также в связи с проблемой моральной угрозы, риска (moral hazard): нежеланием и неспособностью специалиста работать с ценностно-смысловыми коллизиями и противоречиями, включая более или менее выраженные противоречия интересов клиента, консультанта, общества. Так помогая клиенту, активизируя и фасилитируя его изменения, психосоциальный работник сталкивается с тем, что социальная работа не исчерпывается оказанием помощи людям, попавшим в беду, но представляет собой инструмент общественной власти: сферой столкновения интересов клиента и общества, социальной службы и государства. Часто речь идет о возможности насилиственного вмешательства в жизнь клиента, деформациях в развитии и деятельности работников социальных служб или государства, возникновения состояния типа «психологического сгорания», профессиональных деформаций.

Социальные конфликты или внутриличностные конфликты и проблемы, которые часто приходится решать человеку - это конфликты, связанные с выбором: реализовывать ценности социума, группы (частные) или реализовывать общечеловеческие ценности. Противодействие профессиональным деформациям связано с умением извлекать опыт из происходящего, осмысливать действующие и возникающие во взаимодействии мотивы, определяющие и трансформирующие ценности и перспективы жизнедеятельности чело-

века или организации. Что касается проблемы власти, то исследователи соотносят ее с вопросами «харизмы», лидерства и агрессии. Харизма и «конгрэйтное лидерство» не являются самоцелью специалиста. Они могут лишь привлекать к психологу клиентов, нуждающихся в создании более прочных, чем у них есть «опор жизни», однако, целью консультанта не является стать опорой клиента вместо него, но помочь клиенту стать «терапевтом самому себе». Консультант нуждается в том, чтобы проработать свои представления о лидерстве и власти, осмыслить «глубинную демократичность» своей жизни и жизни клиентов, включить свои особенности и потребности в этой сфере в поток жизнетворчества, уметь «танцевать» свое лидерство, а не сомневаться по поводу его «негативности» или, напротив, сверхценности. «Танец» лидерства предполагает проявление и осознание скрытых структур, сохранение и формирование естественного потока в отношениях, равенство людей как танцующих, выступающее как способ коррекции и профилактики различных форм психопатологии и затруднений в развитии. Говоря об агрессии, исследователи отмечают, что агрессивность есть мера непонимания. Декларирующие и идеализирующие свою «клиент-центрированность» и паритетность гуманистические подходы, явно или неявно «загоняющие садиста в тупик», подчас более директивны и асимметричны, чем бихевиоральные и парадоксальные «принудительные» подходы: первые «превращают тупик в выход», а вторые делятся пониманием сути происходящего. Вопрос о принуждении и власти это вопрос о роли консультанта: “посредник и двойной агент”, функция консультанта, независимо от исповедуемой им концепции, - состоит в том, чтобы сочетать интересы и нормы клиента с интересами и нормами общества; консультант - “союзник” и “соучастник” клиента, и в тоже время - “представитель” общества, что необходимо обуславливает не только его сопереживание и близость клиенту, но и критичность и дистанцию в общении с клиентом [1; 2]. Психологическое своеобразие отношений клиента и консультанта в значительной степени определяется тем, что они складываются в процессе специфического, в ролевом смысле «закрепленного» общения, включающего ряд клише. В реальной ситуации общения клише оказываются сконцентрированными и синхронизированными так, что проявляются в подчас внешне немотивированной форме. Особенно ярко это проявляется в контексте вопроса о дистанции взаимодействия. Немотивированная на эмпирическом уровне, она закономерна в культурно-историческом контексте (профессиональная кастовость и сакрализованность деятельности специалистов помогающих профессий в человеческом обществе), а также в контексте функционально-целевого взаимодействия (ролевое неравенство, обозначающее ведомость исцеляемого). Поэтому одно из базовых требований к профессиональному состоит в необходимости знать границы своих профессиональных возможностей, понимать самого себя. В этом смысле, отмечают исследователи, нет проблемы “клиент - не клиент”, есть проблема “консультант - не консультант”. Это предполагает обучение навыкам диалога, продуктив-

ногого осмыслиения себя и других людей, проблемных ситуаций, жизнедеятельности.

Еще один важный ракурс исследования проблемы помощи – наличие эффекта плацебо, «фиктивного лечения» и/или преодоление ситуации и проблем взаимоотношений их развития человеком без помощи специалистов. Подчеркнем важность со стороны клиента, пациента веры социальному работнику, консультанту, психотерапевту, врачу. Изучая в разной мере успешные и неуспешные случаи помощи, они отмечают, что клиент в состоянии помочь, исцелить себя сам, а также то, что плацебо изменяет измененное поведение клиента, который выздоравливает благодаря тому, что перестает играть роль «больного». Существование эффекта плацебо, связанного с усвоением клиентом «идеи медицины» или «идеи консультирования» и «бифуркационной эффективностью» плацебо, открывает путь к шарлатанству и «плацебофобии», отражающей сомнения клиента как в самом консультанте, так и в предлагаемой им помощи, готовность и неготовность клиента к диалогу и принятию помощи.

Отношения принятия помощи исследуются в основном в рамках проблемы сопротивления (сопротивление воздействию и изменениям ценностно-смысловой позиции и других компонентов жизнедеятельности, инновациям, сопротивление совместной работе, ее прогрессу и окончанию в психоанализе, механизмы уклонения и «нарушений на границе контакта», адаптационное сопротивление и интерференции в осознании, отчуждение и отказ от изменения самопонимания и понимания мира в гуманистической и гештальт-психологии), затрудненного и конфликтного общения и барьеров понимания, особенно в психоаналитической традиции, для которой эта проблема является классической, а также экзистенциально-гуманистической традиции [3]. Эти концепты и идеи раскрывают противоречивость стремления личности изменяться и оставаться прежней, открываться помощи и пониманию и избегать самораскрытия и угрожающего защитам и целостности воздействия, быть благодарной или завидовать и стремиться компенсировать свою неполноценность за счет консультанта, так же как консультант может использовать клиента, чтобы преодолеть свою неполноценность, мнимый «альtruизм». «Заговор» или, скорее «договор» о том, чтобы саботировать консультативный процесс, избегать самораскрытия или взаимного раскрытия, а также ответственности за отказ понимать друг друга и изменений может поддерживаться обеими сторонами.

Возникновение ситуаций затрудненного общения - объективное явление, обусловленное особенностями развития личности в определенной социокультурной среде, социально-психологической природой общения, механизмами взаимопонимания. Рассматривая "затрудненное общение" часто указывают на субъективную природу трудностей общения, подчеркивая, что следствием этих "субъективных трудностей" является объективная картина затруднений: от легких сбоев и трений до конфликта между партнерами.

Идея субъективной природы "трудностей общения" ведет к поиску индивидуальных, личностных детерминант осознания и переживания затруднений, к суженному пониманию природы трудностей общения – попыткам оценивать реальные, объективные "трудности общения" на основе соотнесения наличного общения с его оптимальной моделью, в основе которой лежат параметры общения, отражающие позицию каждого из исследователей. Консультант стремится к познавательной и интерактивной совместимости с клиентами, удержанию в своем понимании множественных позиций и точек зрения. Для консультанта важно осознание того, что несоответствие общения партнеров заданным параметрам "оптимального общения" приводит к затруднениям, снижает его эффективность, в том числе в сфере профессионального общения, ставит задачу поиска интегральных личностных и межличностных феноменов - базовых факторов затрудненного или оптимального общения. Субъект начинает рассматриваться не просто как источник определенного общения, а как субъект, вносящий объективные изменения в общение, представленный в качественно своеобразных отношениях к себе и другим людям. Отношение к другому и к себе как к объекту, непризнание уникальности «Я» и «Другого», ограничение свободы выбора способов понимания и моделей поведения, заданным рамкам, профессиональными или иными «концептуальными» ориентирам общения расценивается как неэффективное, неоптимальное, разрушающее личность и межличностные отношения, то есть и объективно и субъективно затрудненное общение. Субъекты такого общения – индивиды, для которых характерно сочетание объектного, неценостного отношения к другому и к самому себе, с низким уровнем понимания себя и другого. Условием такого – диалогического – типа общения – обычно является принцип взаимности: ценностно осмысленное, личностное отношение, открытое обращение – общение, глубокое и разностороннее понимание обоих партнеров. Однако, модели общения, которые выстраиваются на основе идей конгруэнтности (как взаимного соответствия), вносят элементы деиндивидуализации общающихся, приводя в общении к "неадаптивным исходам". Неизбежность в общении неадаптивных исходов означает, что для субъекта затрудненного общения не характерна "неадаптивная активность". Компетентное, успешное общение начинает выступать как общение, субъекты которого «осознанно нарушают правила компетентного общения». Варианты отношений располагаются в рамках континуума 1) отказ от помощи, демонстрация форм избегающего поведения 2) сопротивление помощи, демонстрация форм замещающего (изменения) поведения, 3) стремление оплатить помощь, вернуть ее, 4) принятие помощи и реальное изменение, благодарность, 5) ориентация на получение помощи, ожидание помощи от других. В исследованиях различных разных школ психотерапии и консультирования выделяются типологии и типические ситуации и формы сопротивления, описывается их смысл как затруднений и условий успешности помощи.

Кроме отношений помощи, ее принятия, и потребительства, исследователи выделенных и других направлений выделяют, как правило, противопоставляя, отношения доверия, партнерства и близости и отношения отчуждения, недоверия и манипуляций, связанные с ними «трансинформационные» или смысловые и дезинформационные или квазисмысловые интенции, а также различные виды отношений: 1) доверяющих себе и другим, 2) недоверяющих другим и доверяющих себе, 3) недоверяющих себе и доверяющих другим, а также 1) искренних и правдивых, укрепляющих доверие, 2) иллюзорных, 3) имитирующих, 4) обманывающих и разрушающих доверие, исходя из намерений не причинять или причинить ущерб. В традиционном взгляде на психологическое консультирование и психотерапию превалирует идея о том, что их успех основан на отношениях доверия, искренности и партнерства. Однако, реальная практика и ее исследования говорят о том, что консультирование содержит значительную долю манипуляции, в том числе, в процессе трансляции клиенту психотерапевтических мифов каждой из моделей консультирования, что оно есть «оздоровление заблуждением», мистификациями и мистическими интерпретациями, объединяющими в себе «трансинформационные» (обращенные к истинному) и дезинформационные (обращенные к ложному) интенции. При этом есть две возможности. Первая - критика консультирования, психотерапии и психиатрии в рамках «антipsихиатрии» и «антipsихотерапии». Вторая - использование манипулятивных приемов, их встраивание в психотерапевтические подходы, например, в парадоксальной ими манипуляционной психотерапии, либо исследование смежных практик типа шаманизма, целительства, религиозной исповеди, молитвы и медитации, мистерии и т.д., а также парадоксов консультативного взаимодействия. В некоторых случаях ситуация столь конфликтна, что для ее разрешения привлекается общество в целом, как это случилось, например, с дианетикой, моделью В.Эрхарда и другими подходами «ургентного» (неотложного) решения проблем, опирающиеся на веру в то, что есть один метод, действенный для всех (golden hammer fallacy) и требующий от клиента «стать как все». Интересным моментом этих исследований являются тенденции психосемиотического и метапсихотехнического анализа консультирования, попытки 1) выявления и освоения «слепых пятен» и зон, кажущихся неподвластными изменению в консультативном взаимодействии, 2) выявления и трансформации зон более или менее намеренной деструктивности субъектов, противодействующих пониманию, изменениям, отношениям, 3) выявления наиболее общих, метаисторических и метакультурных, транстеоретических или трансмодульных или хотя бы эклектических для психологического консультирования феноменов, метатехнологий, позволяющих сделать любое взаимодействие с клиентом успешным. Особенно распространены исследования шаманизма как «эзотической психотерапии», предтечи и аналога консультирования - как «возрожденного шаманизма», как «заклинание неправильным словоупотреблением», а также «духовных аналогов» консультирования и его феноменов

[4; 5; 6]. При рассмотрении шаманизма как феномена, существующего внутри той или иной религиозной практики, а также иных феноменов и «психотехнологий» духовного исцеления (медитации, молитвы, т.д.) исследователи указывают что консультирование и психотерапия, обращенные на раскрытие тайн человеческой души, являются практиками духовного взаимодействия и развития человека. В консультировании как духовной «ментальной» практике, как и в других практиках духовного развития, присутствуют откровения и столкновения с тайнами, ритуалы перехода - возрождения, предполагающие вхождение в медитативное состояние, синхронизмы, сиддхи «ясновидения», телепатического общения, волшебные исцеления, особое, сакральное, переживание времени консультации как места встречи любящих друг друга и/или связанных обще кармической (обучения) или дхармической (предназначения) задачей или «матрицей» (родовой и т.д.) душ. В религиозно-ориентированной психотерапии отмечается исцеляющая сила молитвы, исповеди, медитаций. Возникновение «очищающей исповеди» - довольно редкое явление в обычной жизни, которое предполагает полную погружённость специалиста во взаимодействие с собеседником, максимальную искренность и честность. В рамках этого представления психосоциальная работа выступает как помощь человеку, группе людей, семье в переходе из статического состояния в состояние постоянного преобразования. Во время и в месте консультирования как встречного раскрытия душ, как отмечают исследователи транстерапевтических и транскультурных практик консультирования, трансперсонального общения в рамках экзистенциально-гуманистического подхода, таких его ветвей как гештальт-психотерапия, трансперсональная и религиозно-ориентированная, очень важно то, насколько клиент решился «принять правду» своего бытия и того, что он может понять в консультировании – из того что сказал или не сказал, на что намекнул или просто умолчал консультант или сам клиент. Или, в терминах манипулятивного подхода, насколько предлагаемый консультантом психотерапевтический миф, содержащий вымыслы того или иного типа, подходит для того, чтобы «оправдать» бытие клиента. В связи с проблематикой психотерапевтических вымыслов современные исследователи отмечают, что современное время - постмодерн - можно назвать магической эпохой, в которой «расколдовывание» мира привело к усложнению социокультурной действительности, стерлась грань между рациональным и иррациональным, взаимодействие человека с миром приобрело магический характер. Это проявляется и в популярности герменевтических и феноменологических моделей исследования реальности и ее реорганизации, включая консультирование.

Отдельный вопрос – связан с исследованиями отношений зависимости – автономности и неподтверждения – подтверждения, в том числе в рамках паритетного, фасилитативного и затрудненного, асимметричного общения, насыщенного «двойными связями», ошибками и барьерами, обусловленными закрытым характером отношений, обденненностью отношений как их одно-

сторонностью, недостаточностью или отсутствием в общении обратных связей, неумением общающихся быть партнерами. «Становление партнером» - отдельная часть развития личности, одна из задач (результатов) консультирования и его условий. Кроме измерения доверия, разделения, искренности и недоверия, отчуждения, манипуляций, выделяют отношения понимания и принятия, противопоставляя их отношениям непринятия и непонимания. Исследуются типы отношений, связанные с более или менее выраженным стремлением понять и быть понятым в диалогическом и монологическом взаимодействии, а также больше или меньшей социально-психологической компетентности, включая ее - современное - диалогическое измерение, а также компетентность в конфликтных и кризисных ситуациях и неконфликтных в повседневных ситуациях. Важным вопросом является формирование и развитие «психологической культуры» личности как условия и показателя способности субъекта быть консультантом себе и другим. Один из наиболее продуктивных ракурсов исследований - аллогический или ксенологический, изучающий проблемы особенностей дискурсивного взаимодействия субъектов в контексте специфики тезаурусного, нарративного и иных типов понимания, его предметной и дискурсивной специфики, условий и результатов понимания своего и чужого. В понимании чужого как другого и чуждого выделяются такие аспекты как 1) значимость или «объектность», способность другого служить «точкой отсчета» в формировании самопонимания, само-раскрытии, 2) чуждость и не возможность полного и действительного понимания другого, 3) диалогичность как со-бытийность и разделенность - пограничность понимания, его слuchаемость и эмерджентность в диалоге, 4) «доминанты на другом», значимость учета его «диалогической интенции» и важность позиции вненаходимости, служащих условиями взаимного понимания, 5) способность другого о-границивать и изменять этим жизнь и смыслы жизни субъекта, определяя его властным усилием или самим фактом своего существования, 6) значимость другого как «объекта» отношений и собеседника [7; 8]. Поскольку в консультировании речь часто идет о развитии самопонимания и о том, что чужим оказывается для человека он сам, то задача специалистов - перевести смутные «ощущения», «интуитивный голос плоти» в понимание, высвободив пространство и время для изменений, преобразования человека. Эффективность и продуктивность профессиональной деятельности в этом направлении во многом зависит от совпадения предметно-деятельностного и ценностно-смыслового аспектов [9; 10; 11]. Если опираться на результаты исследований социального обмена (разделения) переживаний в дебрифинге и других исследованиях социально-психологического консультирования как обмена или «разделения» субъектами смыслами своей жизнедеятельности, то его успешность связана с формированием и развитием отношений партнерства и взаимной поддержки, психологической безопасности и направленности на развитие субъектов диалога. Условиями и результатами таких отношений выступает взаимопонимание субъектов. Оно форми-

руется в процессе социального обмена (разделения) переживаниями, их смыслами, и развивается в процессе преобразования смыслов общающихся субъектов по мере построения и развития помогающих отношений. Это проявляется в формировании развернутых, осознанных, обращенных к совместной рефлексии (направленных на совместное исследование) и совместному преобразованию смыслов прямых, обратных и консоционных связей. Обращение к их исследованию по сравнению с изучением «выговаривания» в процессе социального обмена более продуктивно и теоретически и эмпирически. Поэтому, например, в рамках организационного консультирования, корпоративного тренинга, гораздо реже критикуемого в связи с непродуктивностью и неэффективностью, дебрифинг используется как процедура, позволяющая активизировать и исследовать прямые и обратные связи. Цель активизации и исследования - достижение и развитие взаимопонимания. Обратная связь в консультировании выделяется из простого «социального обмена переживаниями» в отдельный процесс, обеспечивающий реализацию стремлений человека в подтверждении, развитии (изменении) и понятости.

Итак, успешность социально-психологического консультирования как процесса социального обмена связана с формированием и развитием отношений партнерства и взаимной поддержки, психологической безопасности и направленности на развитие субъектов диалога.

Список литературы

1. Роджерс К.-Р. Клиентоцентрированная терапия. М.: Ваклер, REFL-book, 1997. 320с.
2. Флемминг Ф. Преобразующие диалоги. Киев: Ника-Центр, 1997. 384с.
3. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. - Л.: Медицина, 1990. - 189с.
4. Яковлева С.В. Психологическое консультирование: теория и процесс. - Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 1998. - 176с.
5. Копьев А.Ф. О прототипах психотерапевтического опыта // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. 2005. - №5. – С. 146-158.
6. Минделл Э. Психотерапия как духовная практика. М.: НФ "Класс", 1997. 160с.
7. Братченко С.Л. Экзистенциальная психология глубинного общения. - М.: Смысл, 2001. - 197с.
8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия М.:НФ "Класс", 2000 - 576с.
9. Кейсмент П. Обучаясь у пациента. Воронеж: МОДЕК, 1995. - 256с.
10. Ковалев Г.А. Три парадигмы в психологии - три стратегии психологического воздействия // Вопросы психологии. - 1987. - № 3. - С.41-49.
11. Флоренская Т.А. Диалог в практической психологии. М.: ИП АН СССР, 1991. 244 с.